

ЮРИЙ КАЗАКОВ НА БЕРЕГАХ БЕЛОГО МОРЯ.

По следам героев «Северного дневника»

Летом 1960 года уже известный к тому времени писатель Юрий Павлович Казаков «больше месяца» (Казаков, 2011, с. 134) прожил на берегах Белого моря, проехав по маршруту Архангельск – Мезень – Койда – Майда – Ручьи – Архангельск.

Это был не первый его приезд на Русский Север. Впервые Казаков увидел Белое море в 1956 году. Доплыв на корабле от Архангельска до Пертоминска, он прошел по Летнему берегу «от деревни к деревне (а они друг от друга километрах в сорока-пятидесяти), где пешком, а где на карбасах и мотоботах» (Казаков, 2011, с. 224), закончив путь на Соловках. Эта поездка стала поворотной в его литературной судьбе: писатель буквально заболел Севером. «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьез *начинает быть*. У меня это случилось на берегу Белого моря...» (Казаков, 1979, с. 6) – это позднее признание писателя теперь цитируется едва ли не в каждой монографии о его творчестве (см., например: Кузьмичев, 1986, с. 118; Галимова, 1992, с. 69). Через два года он побывал на Зимнем берегу, в Нижней Золотице, в последующие годы отправлялся еще севернее и восточнее, доплыв до берегов Новой Земли. Впрочем, подробную карту литературных маршрутов Казакова еще предстоит начертить его биографам. Но именно после поездки в Койду и Майду им был написан очерк «Северный дневник», который считается ныне одним из самых значительных литературных произведений о Русском Севере.

В 1956 году Казаков отправился на Белое море по командировке от журнала «Знамя» (Казаков, 2011, с. 242); очевидно, что в 1960 году он был также командирован этим журналом, а «Северный дневник» возник в качестве отчета об этой командировке¹: впервые он был напечатан в мартовской и апрельской книжках «Знамени» за 1961 год под рубрикой «Рассказы о людях семилетки»². Как кажется, место для поездки было выбрано не случайно: в 1960 году крупному и богатому колхозу «Освобождение», объединявшему жителей Койды и Майды, исполнялось тридцать лет, и его жизнь могла дать много интересного материала для «производственного очерка».

Если в первые поездки Казаков ездил один, то в этот раз с ним был его близкий друг, детский писатель Юрий Коринец (см.: Жирмунская, 1995, с. 256), также большой любитель странствовать по Русскому Северу. Спустя несколько лет Казаков в предисловии к книге стихов Коринца «Суббота в понедельник» (М., 1966) так вспоминал об их совместных путешествиях: «Путешествовал и я вместе с Коринцом. <...> Мы побывали в Великом Устюге, в Котласе, в Архангельске, добрались до Белого моря, потом до реки Онеги, с Онеги поехали на Кольский полуостров, в Мурманск...» (Казаков, 1966, с. 4).

Вернувшись домой в августе, Казаков по горячим следам принялся за создание очерка на основе своих путевых дневников. Если сюжеты многих своих рассказов писатель вынашивал годами, а писал за один присест, то здесь ситуация была противоположной: редакция журнала ждала творческий отчет о поездке на Белое море, а он давался Казакову нелегко. «У меня дело застряло. Мне надоели очерки, – сообщал он Марине Литвиновой 17 сентября 1960 г. – И я поклялся, что больше ни за что, кроме рассказов, не возьмусь. <...> Так вот – я застрял. И наверно не уложусь в срок» (Литвинова, 2013). О том, как тяжело писался «Северный дневник», Казаков сообщал

¹ Косвенно это подтверждал и сам Казаков. В тексте «Северного дневника» приведено множество фактов и статистических данных о жизни колхоза и колхозников, а в одном из ранних интервью он признавался: «Жизнь специально я не изучаю и материалов не собираю, кроме тех случаев, когда едешь по заданию редакции» (Казаков, 2011, с. 145).

² До этого фрагмент (о рыбной ловле на тоне Майдица) был опубликован в «Литературной газете» (1960. № 129. 29 дек.) под заголовком «У Белого моря» в рубрике «Из летних путешествий». Первоначально очерк планировалось начать публикацией с февральского номера, но, как писал Казаков Виктору Конечкому 15 января 1961 г., «перенесли в № 3 <...> Все из-за проклятых художников. Они затянули, а теперь типография не успевает сделать клише ко второму номеру» (Конечкий, 1987, с. 465).

Виктору Конецкому 23 ноября, уже после его окончания: «...смылся я в маленькую деревеньку, и там таял и таял проклятый свой северный очерк и никак не мог его постичь, наконец, постиг, и вышло у меня четыре с чем-то листа – местами ничего, а местами так себе. Устал я от всего этого и закалялся впредь связываться с чем бы то ни было, кроме рассказов, милых моих драгоценных и блистательных рассказов...» (Конечкий, 1989, с. 29–30). Не позднее середины октября текст был закончен: в письме от 30 октября Конечкий делился с Казаковым впечатлениями о прочитанной рукописи (Конечкий, 1987, с. 464–465). Первоначально очерк назывался «Тихие герои» и имел подзаголовок «Северные путевые заметки» (Кузьмичев, 1986, с. 125), но, очевидно, такое название было отвергнуто редакцией «Знамени»³.

Публикация «Северного дневника» стала важной вехой в творческой биографии Казакова. Впервые, он, наконец, был признан как писатель даже теми литературными кругами, где до этого к нему относились критически и даже враждебно. ««Северный дневник» был единодушно одобрен критикой и воспринят как начало нового этапа в творчестве писателя, как свидетельство его гражданского возмужания» (Галимова, 1992, с. 76)⁴. Но, во-вторых, что для нас важнее, после командировки 1960 года изменился творческий метод Казакова в его «северных» произведениях. Впечатления от первых поездок по берегам Белого моря выливались в рассказы: «Никишкины тайны», «Манька», «Поморка», «На острове» – это образцы классического fiction, где стихия вымысла доминирует над точностью путевых заметок, география размыта и неопределенна⁵, а биографии героев не выходят за границы повествования. После «Северного дневника» Казаков стал тяготеть к nonfiction: путевым очеркам и тревелогам, содержащим минимальные беллетристические вкрапления.

С определенного момента и сам писатель стал разделять эти две линии своего творчества. Уже в 1961 году он задумывает выпустить книгу своих «северных» произведений, так рассказывая о плане будущего издания в письме к К.Г. Паустовскому от 26 сентября 1961 г.: «Помните мой “Северный дневник”? Так вот, я решил все цифры оттуда выкинуть, еще поднатужиться, чтобы лучше в смысле словесном получилось, к этому куску прибавить еще кусок мурманский⁶, калевальский⁷, кусок с Зимнего берега (там у меня кулак один великолепный!)⁸, потом кусок зверобойный (для этого я специально поеду в феврале со зверобойной командой на шхуне к берегам Гренландии)⁹. Но и это еще не все, а придумал я прошиговать все это еще своими же рассказами – «Манькой», «Никишкиными тайнами», «Поморкой» – и кончить весь этот, с позволения сказать, роман «Осенью в дубовых лесах». Я подсчитал – получается увесистая книга, листов на 13–15. Все мои рассказы и записки будут в этом романе как бы главами, частями. <...> Речь в нем будет вертеться все вокруг одного и того же: вокруг Белого моря, рыбаков, времен года...» (Казаков, 2011, с. 347). Задуманная Казаковым книга появилась через двенадцать лет (Казаков, 1973)¹⁰, но ни одного рас-

³ Определение «тихие герои» осталось в тексте и вызвало замечания рецензентов: «Но почему Казаков называет своих героев «тихими»? Пожалуй, само определение выбрано им неудачно, но за ним стоят наблюдения правдивые и непредвзятые» (Шитова, 1961, с. 260).

⁴ «Северный дневник» сразу стал переводиться. Позднее Казаков писал не без гордости: «После каждого приезда я писал что-нибудь о Севере. Мои очерки стали переводить на всевозможные языки. Чего скрывать – писателю приятно, когда его читают в Италии, в Америке, во Франции. Но тут, честное слово, мне было более радостно за моих героев! Северные фамилии их – Малыгин, Котцов, Жуков, Попов – появлялись на шведском, датском, немецком и прочих языках, и как же мне приятно было думать о том, что сидит сейчас где-нибудь в Праге или в Марселе какой-нибудь мой читатель, попивает себе там бордо или кальвадос и читает про поморов, на свой испанско-английский лад выговаривая наши имена» (Казаков, 2011, с. 118).

⁵ Удачную попытку локализации места действия одного из «карельских» рассказов Казакова см. в статье: Шилова, 2014.

⁶ Очерк «На Мурманской банке».

⁷ Очерк «Калевала».

⁸ Рассказ «Нестор и Кир».

⁹ Этот замысел не был осуществлен.

¹⁰ Укажем также, что в сборнике 1969 года (Казаков, 1969) был выделен раздел «Северный дневник (вторая часть)», куда Казаков включил ряд текстов, не вошедших впоследствии в издание 1973 года. Любопытно, что в этом же сборнике были перепечатаны рассказы «Манька» и «Поморка» – но в другом разделе.

сказа в ней не было: с натяжкой к этому жанру может быть причислен только «Нестор и Кир». Остальные десять произведений, включенных автором в эту книгу, нельзя отнести к fiction. Все они в той или иной степени жанрово и тематически примыкают к «Северному дневнику», представляя собой, по точному выражению Дмитрия Бавильского, «локальные тексты-клеймы, берущие отдельные места и ситуации как бы крупным планом...» (Бавильский, 2014).

Документальность «Северного дневника» подчеркивалась самим автором. «То, что твой герой – живой, конкретный человек, а не собирательный образ, конечно, представляет для писателя особые трудности, но в то же время здесь заключена и сила жанра, – писал он в заметке, сопровождающей выход книги. – <...> Я не сочинял ничего. Я даже фамилии своим героям не придумывал, все они у меня живут под своими именами...» (Казаков, 2011, с. 225, 226). Поэтому перед исследователем творчества Казакова должна вставать проблема реального комментария к его путевым очеркам. Ведь «Северный дневник», несомненно, заслуживает критического издания, подобного тому, как издаются и комментируются другие ставшие классикой тревелогии – «Путешествие в Арзрум» или «Фрегат “Паллада”».

В июле 2014 г. мне довелось принять участие в фольклорно-археографической экспедиции Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, которая работала в местах, где полвека назад бывал Казаков – селах Койда и Майда Мезенского района Архангельской области¹¹. Разумеется, я не мог не воспользоваться случаем узнать у местных старожилов об их односельчанах, упомянутых в «Северном дневнике»¹². В настоящем сообщении мне хотелось бы поделиться с будущими комментаторами Казакова собранным материалом. Будем идти вслед за текстом «Северного дневника»¹³.

* * *

Из Мезени до Койды Казаков плыл на сейнере «Белужье», где встретил первых жителей Койды. «На палубе, на солнце, в запахе рыбы, жмурясь от дыма папиросы и от света, сидит лоцман. Он из Койды и едет теперь домой, страшно довольный, что не нужно дожидаться парохода. Сидит он вольно, положив ногу на ногу, выставив острую коленку, покачивает рыбацким сапогом. <...> Его бесконечные истории, в которых варьируются кошки, ветры, приливы и отливы, его хвастовство, ленивая самоуверенность похожи на обыкновенное пьяное бахвальство. Но слушают его серьезно и даже с некоторым почтением. Может быть, потому, что он из рода Малыгиных – славных мореходов? Или потому, что не может человек, доживший на море до пятидесяти лет, действительно не знать всех этих банок, кошек, приливов и отливов?» (18, 19). Здесь Казаков рассказывает о Василии Степановиче Малыгине (1910–1979) (илл. 1), ходившем капитаном и помощником капитана на разных судах – транспортном судне «Микоян», мотоёле «Стахановец», мотоботе «Иван Малыгин», сейнере «Параллель», МРТ «Долгий». Незадолго до приезда Казакова, 1 марта 1960 года он из Мезенского МРС был переведен вторым помощником капитана на РС-5276, затем плавал на различных сейнерах в должности помощника капитана и штурмана. В 1965 году вышел на пенсию, а спустя два года был избран депутатом Койденского сельсовета¹⁴. Гораздо меньше сведений о другом плывшем на «Белужьем» койдянине: «С нами едет еще Игорь Попов –

¹¹ В экспедиции также участвовали А.И. Васкул, Е.Л. Капустина, Н.Г. Комелина и Г.Н. Щупак. Пользуюсь случаем поблагодарить коллег за посильную помощь и равнодушное отношение к моей работе.

¹² Здесь необходимо выразить признательность всем людям, делившимся со мной материалами и воспоминаниями; назову тех, беседы с которыми были особенно содержательными: в Койде – Иван Дмитриевич Котцов (племянник Е.А. Котцова), Николай Клавдиевич Малыгин, Иван Евгеньевич Малыгин (брат Л.Е. Ефремовой), Надежда Александровна Матвеева; в Майде – супруги Роза Андреевна и Петр Тихонович Бурковы, Фаина Филипповна Буркова (невестка П.Е. Буркова), Любомир Андреевич Малыгин (внук И.И. Титова), Ликонида Ильинична Титова (дочь И.И. Титова), Клеопатра Дмитриевна Титова (племянница Е.А. Котцова).

¹³ Далее «Северный дневник» будет цитироваться по изданию: Казаков, 1973 с указанием в скобках страницы.

¹⁴ Сведения о В.С. Малыгине почерпнуты из официальных документов (трудовая книжка, военный билет и др.), которые любезно предоставила его невестка Елена Алексеевна Малыгина. К сожалению, следует отметить, что это был единственный подобный случай: биографии других упомянутых Казаковым лиц приходилось восстанавливать по рассказам односельчан (которые не всегда согласовывались между собой), а даты их жизни – по указаниям на надгробиях, если их удавалось найти на местных кладбищах.

*Илл. 1. В.С. Малыгин.
Фото с Военного билета. 1948 г.*

судовой механик из Мурманска. Родом он из Койды, но в Койде никого у него нет, и сам он не был там уже восемь лет» (19). Известно лишь, что Игорь Федорович Попов (род. ок. 1928–1930) всю жизнь проплавал на судах – на ботах, СРТ и ПТС (промыслово-транспортное судно), а умер в Архангельске; родных в Койде у него действительно не осталось. Еще один упомянутый в очерке койдянин – «боцман Миша» (24, 28, 30) – остался неидентифицированным: никто из старожилов Койды не смог предположить, о ком здесь идет речь.

«Миновав банку Окдена, Воронов маяк, мы бросаем якорь против Койды, далеко в море» (28), – здесь Казаков допускает редкую для него неточность: плывя из Мезени в Койду, минуешь Абрамовский маяк, напротив которого далеко в море находится банка Окден, а Вороновский маяк расположен дальше по берегу, по пути в Майду. Впрочем, нельзя исключать, что замена «неблагозвучного» названия маяка на более «благозвучное» сделана по требованию редактора. Якорный буй, около которого суда ждали прилива, чтобы зайти в Койду, сохранился – сейчас из него сделали часовню в память погибших на море, которая стоит в центре села.

Казакова и Коринца на причале в Койде встретил председатель колхоза (33), через несколько страниц будет названа его фамилия – Воронухин (40, 41, 48, 54, 55). Афанасий Макарович Воронухин (илл. 2) был родом из мезенского села Кимжа; воевал, дошел до Берлина. После войны был прислан в Койду «по партийной линии»: сначала работал культорганизатором в избе-читальне, затем около десяти лет был парторгом, а с 1956 по 1967 гг. – председателем колхоза «Освобождение».

После выхода на пенсию он уехал в Архангельск, где жил и скончался. Точных дат его жизни никто в Койде вспомнить не мог; говорили только, что в 1960 году ему было около сорока лет.

Причал, на который ступил Казаков, сохранился; правда, он уже не используется и находится в полуразрушенном состоянии. Рядом с ним находится заколоченное здание рыбкоопы (38), а вот стоявший чуть поодаль «сизый покосившийся крест, поддерживаемый проволокой от телефонного столба» (38), ныне заменен другим, хотя остатки старого не убраны и лежат рядом. Напротив креста – дом, где останавливался Казаков (илл. 3).

Это небольшой по северным меркам одноэтажный дом был построен для двух братьев и сестры и их семей и, соответственно, разделен на три части. Две фасадные части занимали братья, сестре досталась задняя часть, окна которой выходили в противоположную от реки сторону. В этой части и поселился Каза-

*Илл. 2. А.М. Воронухин.
Фрагмент групповой фотографии. Нач. 1960-х гг.*

*Илл. 3. Дом в Койде, где останавливался Юрий Казаков.
Вдали виден дом, который он рассматривал в бинокль. Фото 2014 г.*

ков. «Живу я у старой, высокой, сухопарой женщины. Скотины она не держит и не работает. Раньше работала на почте: зимой и летом, в морозы и дожди носила и возила почту» (35), – и далее повествует-

ся про женщину-почтальона на Летнем берегу Белого моря, про то, как он хотел написать о ней «грустный, но героический рассказ» (36), и что сейчас «как бы вновь встретился с давней своей героиней...» (37).

Хозяйкой Казакова была Анна Евгеньевна Попова (1907–1990) (илл. 4), которая много лет работала почтальоном, ходила по берегу моря пешком (изредка на лошади) из Койды в Нижу (ок. 40 км), где встречалась с почтальоном из Долгощелья, с которым обменивалась почтой. По рассказам односельчан, она была мастерица печь пироги и снабжала ими всякий праздник или поминки. «К хозяйке приходят женщины, коротко оглядывают меня и садятся тоже к окну» (37), – это также точная деталь: с Анной Евгеньевной дружила ее соседка Мария Александровна Малыгина, они часто сидели вместе у окна. Сейчас часть дома, где жила Попова, необитаема: дверь закрыта на замок, крыша провалилась, хотя в окна видно, что часть старой обстановки сохранилась. Сохранился и остов дома, который Казаков рассматривал из окна в бинокль (39); правда, сейчас от него остались одни стены, и из окон дома Поповой он не виден – загорожен другим, построенным позднее. Когда-то в нем жила крепкая бо-

Илл. 4. А.Е. Попова

Илл. 5. Л.Е. Малыгина. Фото 1961 г.

гатая семья, которую впоследствии раскулачили, а дом отдали бедноте. Хотя этот лиственничный дом строили на века, но новые хозяева достаточно быстро довели его до ветхого состояния, и к моменту приезда Казакова в Койду он был почти необитаем: только в одной части жила незамужняя женщина.

Читавшие «Северный дневник» койдена (так себя называют жители Койды) опознали девушку-доярку, едущую по реке на отгонное пастбище, хотя в тексте имя ее не названо: «С нами едет девушка, <...> – милое лицо, одно из тех лиц, которые тем милее становятся, чем больше на них смотришь. Она все улыбается... <...> А когда на нее не смотрят, она успокаивается, совсем остается наедине с собой и что-то шепчет. Я посматриваю из-под капюшона на ее губы, стараюсь догадаться, что она шепчет. Наконец я догадываюсь: она поет песню. Поет тихонько, про себя, голоса не слышать за треском мотора, а губы шевелятся» (41). Как сообщил Иван Евгеньевич Малыгин, здесь изображена его сестра Людмила Евгеньевна (р. 1942) (илл. 5), в замужестве Ефремова. В начале 1960-х она уехала в Архангельск, где поступила в медицинское училище, закончила его и всю жизнь работала в медицине

– правда, не на родине, а в Сыктывкаре, в детском саду от местного ЛПК. Очень любила петь и знала множество песен, которые запомнила от матери.

На отгонном пастбище Казаков наблюдал идиллическую картину: «Вышел пастух Анатолий, молодой парнишка, с удовольствием залез на одну из привезенных лошадей, поехал прочь, наигрывая на гармошке, и телята, не выдержав, пошли за ним» (62). Этот пастух-гармонист – Анатолий Иванович Малыгин (1944–2010) (илл. 6), который в юности работал в колхозе, а затем уехал в Нарьян-Мар, где занимался строительством и ловлей рыбы; выйдя на пенсию, вернулся в Койду, где и скончался.

Из Койды Казаков и Коринец уезжали на доре до тони Малая Кедовка, откуда грузовик довез их до Майды. «Капитан доры, мальчишка лет восемнадцати, курносый, с круглыми глазами» (67) оказался единственным персонажем «Северного дневника», живущим ныне в Койде и помнившим Казакова, – это Николай Клавдиевич Малыгин (р. 1942)¹⁵ (илл. 7). Более того, когда в 1977 году «Северный дневник» был издан полуторамиллионным тиражом «Роман-газетой» (Казаков, 1977)¹⁶, то, будучи подписчиком этого издания, он не только узнал себя, но и оставил

Илл. 6. А.И. Малыгин.
Фрагмент групповой фотографии. 1960 г.

¹⁵ Отметим, что Н.К. Малыгин, был одним из героев серии о поморах цикла документальных фильмов «Люди воды» (2013).

¹⁶ Хотя это издание и имело важное значение благодаря своему тиражу, однако в нем «Северный дневник» был опубликован со значительными сокращениями.

на полях своего экземпляра следующую запись: «Это было в 1960 г. 27 июля. Я ходил на доре капитаном, и было мне 18 лет»¹⁷. Окончив ремесленное училище, Николай Клавдиевич работал в колхозе: плавал на доре капитаном, впоследствии был сварщиком, токарем, жестянщиком, кузнецом, слесарем, делал лодки и отливал для них винты. На мой вопрос, каким образом он запомнил точную дату отъезда Казакова из Койды, Николай Клавдиевич ответил, что ему памятен следующий день – 28 июля его дора сгорела. Мотористом на злополучной доре (66–67) плавал Анатолий Васильевич Малыгин (р. 1934) (илл. 8), который впоследствии работал трактористом и шофером («был первым шофером на деревне», как с гордостью сказала о нем жена); выйдя на пенсию, закончил свою трудовую деятельность в кочегарке.

Илл. 7. Н.К. Малыгин. Фото 1960-х гг.

Между рассказами о Койде и Майде в «Северном дневнике» есть главка, посвященная колхозу «Освобождение», где приведены данные о количестве хозяйств и колхозников, об их заработках, о планах вылова рыбы на 1960 год и распределении полученной прибыли. Интересно сравнить эти планы с реальными цифрами, обнародованными в койденской стенной газете, видимо, начала 1962 года (ее фотография сохранилась в местном клубе); данные приведены в центнерах:

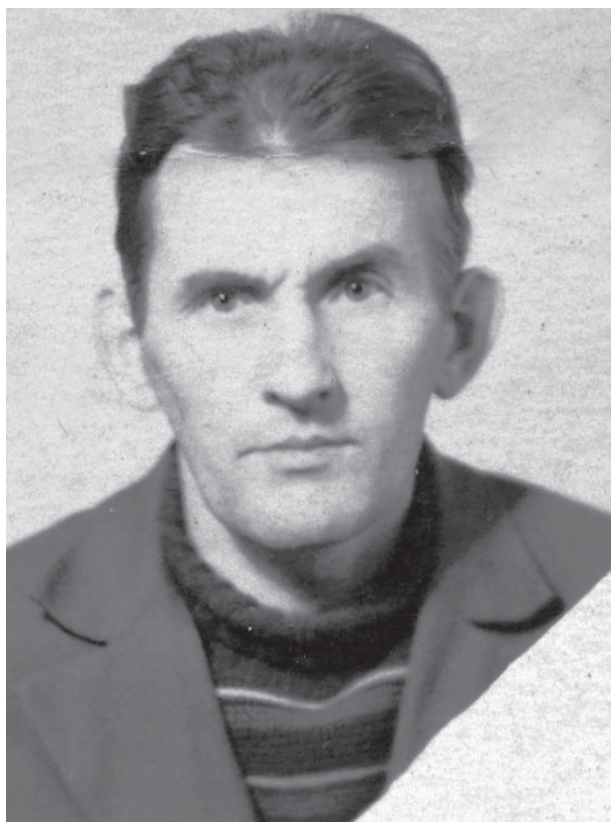
	Планы по Казакову	Отчет в стенгазете ¹
Сельдь	7000	6996
Тресковые	6800	6472
Навага	650	1872
Камбала	100	не указано
Семга	330	509
Морзверь	3730	1806

Значительное расхождение данных в последней строке таблицы удивительно и наводит на мысль об опечатке в тексте «Северного дневника», так как колхоз «Освобождение» и в последующие годы не добывал более двух тысяч центнеров морзверя: по данным другой стенгазеты, в 1963 году его было добыто 1669 центнеров, план на 1964 год – 1660 центнеров. Укажем также на другое расхождение. В первой журнальной публикации «Северного дневника» есть абзац, позднее снятый автором: «Годовой доход колхоза за прошлый год составил 3 917 тысяч рублей. Из этой суммы 500 тысяч дало колхозу сельское хозяйство¹⁸. Кроме всего прочего, колхоз получает ежегодную государственную дотацию на износ орудий лова» (Казаков, 1961, № 4, с. 144). Согласно данным стенгазеты, колхозная прибыль 1960 года от сельского хозяйства составила 50 900 рублей¹⁹, что согласуется с данными

¹⁷ В статье к 80-летию Казакова журнал «Наш современник» сетовал: «Те же люди, чье мнение Ю. Казаков ценил (например, поморы-рыбаки), его книги, как многих других писателей, не читали» (Павлов, 2007, с. 254). Хочется опровергнуть это тенденциозное и голословное утверждение: «Северный дневник» читали и в Койде, и в Майде – и не только в издании «Роман-газеты». О том, что его читают поморы, знал и сам Казаков (см.: Казаков, 2011, с. 304). Кроме того, Казаков переписывался со своими беломорскими знакомыми (см.: Горышин, 1986, с. 162); нет сомнений, что они также читали его рассказы и очерки.

¹⁸ Напомним, что в «Северном дневнике» указаны суммы до денежной реформы 1961 года, когда рубль был денонмирован в 10 раз.

¹⁹ Укажем к слову еще на один факт: в 1960 году поголовье колхозных коров составляло 100 голов, сейчас – около десяти. Для всех колхозов Белого моря, где мне удалось побывать, скотоводство сейчас является планово-убыточной отраслью; коров держат только для того, чтоб обеспечивать молоком жителей села – в тех местах, куда не проложены дороги и, следовательно, нельзя привозить молочные продукты из города.

Илл. 8. А.В. Малыгин

Казакова; а вот общая прибыль – 686 440 рублей, что значительно больше суммы, указанной в «Северном дневнике». Отметим, что в следующем, 1961 году, она значительно выросла, составив 833 280 рублей – как указано в той же стенгазете. Здесь же приведены цифры колхозных расходов: в 1960 году на строительство было израсходовано 24 700 рублей, на подготовку кадров – 1863 рубля, на «культучреждения» – 2654 рубля, на «детплощадку и прочие» – 1822 рубля, внесено в кассу взаимопомощи 2702 рубля.

В «Северном дневнике» читаем: «Остаток в виде чистого дохода составляет 477 тысяч рублей. На эти деньги колхоз разворачивает капитальное строительство, приобретает машины и т.п. За последние годы, например, колхоз приобрел две электростанции, одну мощностью в 49 киловатт (в Койде) и другую – в 20 киловатт (в Майде). В Койде построена больница на десять больничных и пять родильных мест и приобретена аппаратура для больницы. Построены, кроме всего, школа и клуб в Майде» (74–75). До появления дизельных электростанций электричество деревням давали ветряки. В 1954 году для Койды был приобретен генератор

немецкой фирмы «Вискау-Wolf» (вероятно, трофейный), в 1959 году, незадолго до приезда Казакова, генератор появился и в Майде. В том же году, в январе, в Майде был открыт упомянутый в «Северном дневнике» клуб, немного ранее – школа; при ее строительстве был использован старый сруб военной казармы, стоявшей поодаль от села.

«Редки деревни на Белом море, и каждая резко отлична от другой – расположением своим и народом. <...> Одни больше, другие меньше, погрязнее и почище, повыше домами и пониже... И народ в одних поприветливее, пословоохотливей, в других поравнодушней, как бы попривычней к приезжим» (91), – так начинается в «Северном дневнике» рассказ о приезде в Майду. В этих строках лаконично обозначены различия между двумя соседними селами, бросающиеся в глаза приезжим. Если в Койде большинство старых домов двухэтажные, то в Майде такой был только один; улицы в Койде песчаные, в Майде – мощеные деревом; в Койде люди закрытые и скупые на слова, в Майде – радушные и общительные²⁰. «Мы пошли <...> по улице, по бревнам, и они музыкально, как ксилофон, звучали под нашими шагами, а по сторонам были изгороди, и огороды, и дома, и прекрасный клуб наверху, и радио играло на столбе...» (92) – так описывает Майду Казаков. Деревянные настилы сохранились в этой деревне до сих пор, хотя перестеленные досками; раньше они были широкими – по словам одного из местных жителей, «чтоб четыре девки в ряд помещалось» (или, скорее, чтоб могла проехать телега), сейчас еле можно разойтись и двоим. Изгородей почти не осталось, огородов мало, а упомянутый ранее клуб при нас (июль 2014) разбирали на дрова. Зато сохранился большой колхозный сарай, около которого, по всей видимости, Казаков встретил первого жителя Майды, которого упомянул в своей книге – «заместителя председателя Буркова» (92).

Поликарп Екимович Бурков (1930–2005) стал заместителем председателя колхоза «Освобождение» А.М. Воронухина в 1959 году и занимал эту должность около десяти лет (точнее его должность называлась «заведующий участком»); под старость уехал в Архангельск, где умер и был похоронен. «Увидев нас, Бурков одернул розовую рубаху, выслушал нас, поздоровался, тихо улыб-

²⁰ Последнее различие осознается и подчеркивается и самими жителями этих деревень (см. об этом: Дранникова, 2011, с. 33–34).

Илл. 9. И.И. Титов. Конец 1940-х гг.

нулся и пошел говорить с кем-то, – пишет Казаков, – и было похоже, что он – молодой – пошел куда-то к отцу посоветоваться, где бы нас поместить...» (92–93). Как можно предположить, Бурков ходил советоваться к своему старшему товарищу, который занимал должность заведующего участком перед ним – Илье Ивановичу Титову.

С ним читатель «Северного дневника» уже познакомился в предыдущей главе книги. Именно он был самым ценным информантом Казакова, именно за ним на тоне Майдица писатель записывал рассказы о походах семги, о хороших и худых ветрах, о тюленях и социалистическом соревновании, именно на его тоне наблюдал за ловлей рыбы и морским закатом. Эти рассказы впоследствии многократно цитировались – и лингвистами, и этнографами, и публицистами; о них прежде всего вспоминают, когда заходит речь о культуре поморов. Можно без преувеличения сказать, что Титов стал одним из наиболее значимых персонажей «Северного дневника» (илл. 9).

«Титов – пожилой, небритый, худощавый, с изможденным лицом, но почему-то довольный – встречает нас у своей тони. А тоня его – маленькая избушка о двух окнах: одно на море, другое

вдоль берега, на юг. Рядом с тоней избушка еще меньше, такая, что, кажется, и повернуться в ней негде. И уже подле той избушки стоит, высоко вознесенный, покосившийся восьмиконечный крест, каких множество я видел по берегам Белого моря» (79) – так описывается в «Северном дневнике» тоня Майдица, стоящая рядом с устьем одноименной реки, и ее хозяин. За прошедшие пятьдесят лет многое изменилось: несколько раз меняла русло река, море отошло дальше от избы, но остался и переделанный из часовни ледник, и крест – правда, он покосился и потерял две перекладины (илл. 10). Рыбачья же изба теперь другая: в конце 1970-х колхоз обновлял тони, ставил новые, более просторные избы, а старые сносил. От избы, где был Казаков, остался только заросший травой пол и остатки печки. Находилась она метрах в двадцати левее современной избы (если смотреть со стороны моря) и немного дальше ее от берега. По словам старожил, она была рассчитана на шесть рыбаков; вдоль двух стен стояли одноэтажные полати, тогда как в новых избах полати уже, как правило, двухэтажные.

Самому Титову в 1960 году было 57 лет; он родился в 1903 году, скончался в 1972-м. Уроженец Майды, до войны он работал продавцом, во время Великой Отечественной войны воевал на карело-финском фронте. После войны был заместителем председателя колхоза, затем заведовал складом; был мастером на все руки: делал грабли, сани, правил косы. Надпись на могильном камне (едва ли не единственная на кладбище в Майде) сообщает, что Титов был коммунист и «ветеран колхозного строительства» – но чем он отличился при образовании колхоза «Освобождение», выяснить не удалось. Сейчас в Майде живут две его дочери; удивительно, что одна из них, Ликонида Ильинична, читала «Северный дневник» и гордится тем, что там написано про ее отца, а другая об этой книге не слышала.

На тоне Титов рыбачил не один, у него была напарница: «...на стол накрывает милая рыбачка, с грустной, приятной улыбкой слушает наши вопросы, ходит, прихрамывая, по избе, достает стаканы, режет хлеб, усаживает нас. Зовут ее славно: Пульхерия Еремеевна Котцова» (80). Эта

Илл. 10. Тоня Майдица. Фото 2014 г.

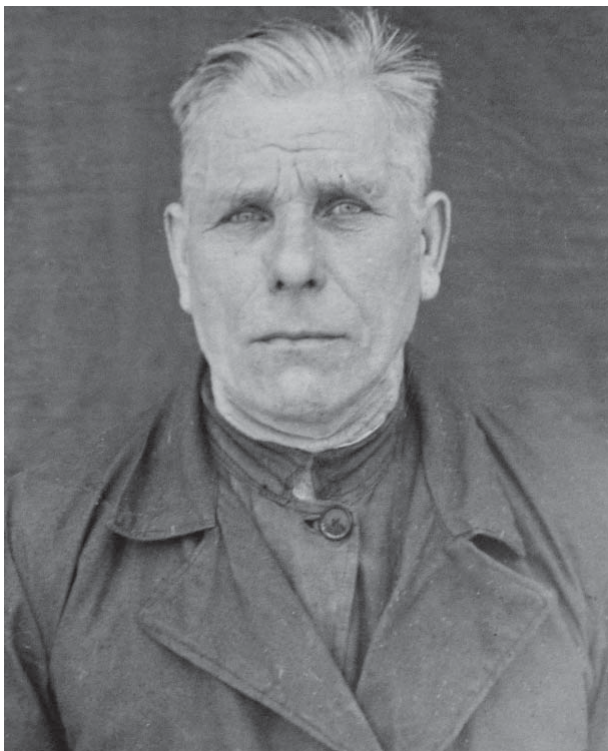
женщина оставила самую добрую память о себе; односельчане ласково звали ее (и сейчас зовут) Полуша. Родилась она в 1917 году (была единственным человеком в Майде этого года рождения); в восьмилетнем возрасте ей перебило ногу упавшей дверью, отчего она всю жизнь хромала. Полуша никогда не была замужем, жила одна, и у нее любили собираться на посиделки майденские девушки. По воспоминаниям односельчан, она была очень добрая, любила петь и шутить. Умерла в середине 1980-х годов в Мезени: внезапно почувствовала себя плохо, за ней прилетел вертолет и увез в районную больницу, но на следующий день она там умерла.

Илл. 11. Е.Г. Титов. Фото с надгробного памятника

Майденские старожилы идентифицировали также неназванного Казаковым, эпизодического героя его книги: «...заходит в дом ранний гость, глухонемой с лицом Иванушки-дурачка, с прелестной радостной улыбкой, от которой расплывается у него нос. Жестами, мычанием, лицом, на котором горечь и боль утраты, показывает, как горят и горят леса где-то на юге, и как дым застилает солнце, и как самолеты летают тушить, но неудачно» (89). Здесь описан Евлампий Григорьевич Титов (1923–1972) (илл. 11), глухонемой от рождения, которого в деревне звали «нёмушко»; единственный факт его биографии, о котором помнят односельчане – что он утонул в день рыбака. Кроме того, в 1960 году действительно вверх по течению реки Майда, около озера Летнее, случился катастрофический лесной пожар, возникший из-за того, что кто-то из расчищавших лес колхозников оставил без присмотра костер, на котором грел чайник («гарь была – как в тумане», – вспоминают старожилы).

Стоит обратить внимание и на еще одну упомянутую Казаковым деталь: у выловленной семги

Илл. 12. Е.А. Котцов. Фрагмент групповой фотографии конца 1940-х гг.

«через час вынут <...> жабры, сделают на брюхе два «кармана»...» (90) – так шкерят рыбу только в Койде, не целиком разрезая брюхо, а оставляя перемычку около нижних плавников, чтобы сохранить товарный вид. По этой примете и сейчас можно отличить койденскую семгу, которая считается едва ли не лучшей на Белом море: «Семга ловится по всему Белому морю – в Двинской губе, в Мезенской, Кандалакшской и Онежской губе и на Печоре. Самая лучшая, крупная и нежная семга добывается в Мезенской губе и на Печоре» (77).

В Майде Казаков и Коринец остановились у Евлампия Александровича Котцова. В «Северном дневнике» так описан их первый приход к нему: «Прекрасный это и старый был дом! В нежилой половине его, служащей как бы преддверием повети, сложены были сырые кирпичи и навалены кучи сухого мха, и пахло почему-то очень отчетливо сиренью. Мы вошли направо, в кухню, и застали чаепитие в разгаре. При нашем появлении встала с места и хорошо на нас посмотрела женщина средних лет, а в дальнем конце стола сидел высокий прямой старик

и тоже смотрел, улыбаясь, как мы снимаем рюкзаки. Семьдесят лет было ему, как мы потом узнали, семьдесят лет, но на вид и пятидесяти нельзя было дать – такие густые сивые волосы валились ему на лоб, такое красное здоровое лицо было у него и такое веселье и хозяйственность играли постоянно на этом лице! Повел он рукой, показывая на комнату позади себя, и мы начали переносить вещи туда, а он тут же приказал нести и самовар к нам и вдруг сам вошел – не вошел! – вполз к нам на коленях, и больно было смотреть, как этот красивый старик, мужественный и веселый, ползает, шуршит и постукивает культиками своими в бахилах. А он, внимательно и вопросительно посмотрев на нас, тут же выполз и скоро вернулся с полной тарелкой квашеной семги и потом ползал с невероятной быстротой, несмотря на наши протесты, носил стаканы, блюда, сахар, а женщина – она оказалась падчерицей его – тоже бегала и ставила на стол что-то еще и еще...» (93–94).

Евлампия Александровича Котцова и сейчас помнят многие жители Койды и Майды (илл. 12). Подробный рассказ, как он потерял ступни ног, есть в «Северном дневнике», пересказывать его нет смысла. Можно добавить только характерную деталь: приведшая к ампутации гангрена началась оттого, что его отмороженные ноги вместо спирта растерли горячим тюленьим жиром. После ампутации ему сделали специальные тюни из шкуры серки (молодого тюленя), благодаря которым он не только мог ползать на коленях, но даже очень ловко ходить на лыжах – на рыбалку за несколько километров. Иногда Котцов вставал на ноги: сохранилась фотография, где он стоит рядом с И.И. Титовым (илл. 13). До войны Евлампий Александрович возил на лошади почту (племянница вспоминает, как он изредка брал ее с собой), во время войны руководил бригадой женщин-зверобоев, добывавших тюленя на острове Моржовец. После войны работал приемщиком семги на рыбпункте, причем отличался непомерной строгостью: тщательно проверял вес привозимой с тоней рыбы и нещадно ее отбраковывал. Женат Котцов был на своей однофамилице Александре Степановне. Когда ее муж умер от испанки вскоре после советско-финской войны, Евлампий Александрович перешел жить к ней в дом, где спустя двадцать лет и останавливался Казаков. Этот дом строился для двух братьев и был разделен на две половины; Котцов занимал левую, дальнюю от реки. Сейчас от дома остались лишь руины (илл. 14), но по ним и по рассказам старожиллов можно представить его архитектуру. Первый этаж был нежилой, его занимали сарай

Илл. 13. Е.А. Котцов (слева) и И.И. Титов у старого магазина в Майде

и хлев, на втором было всего две жилые комнаты; никакой светелки («вышки») не было (что не характерно для северных домов), зато до сих пор сохранился широкий съезд.

После того, как в 1958 году жена Котцова скончалась, ее дочь от первого брака Екатерина Федоровна Титова (1914–1995) (илл. 15) вместе с четырьмя детьми перешла жить к отчиму, поскольку давно была вдовой (ее муж Семен Иванович погиб на войне), а мужнин дом обветшал. Это она «хорошо посмотрела» на Казакова и его спутника, это она «тоже бегала и ставила на стол

Илл. 14. Руины дома в Майде, где останавливался Юрий Казаков. Фото 2014 г.

что-то еще и еще». Младшая дочь Екатерины Федоровны вспомнила «московских корреспондентов», но ничего подробнее сказать не смогла: ей в 1960 году было всего девять лет.

С Евлампием Александровичем Котцовым связан еще один эпизод «Северного дневника»: «Пришла к нам жаловаться женщина и поставила нас в тупик. Многодетная мать, она хотела накосить сена для себя, не дожидаясь окончания колхозных покосов, так как двое или трое детей ее работали на пожнях, косили для колхоза, а колхоз все равно, справившись со своими делами, разрешал потом всем косить для себя. Правда человеческая была вроде на ее стороне, и мы уже хотели было поговорить с заместителем председателя, но тут не вытерпел Котцов. <...> Во всей речи его колхоз выставлялся на первое место. Он ругал эту женщину, но ругал мягко, он убеждал и доказывал, и приводил примеры, и пускался в экономические подсчеты. <...> А какая осведомленность во всем, как быстро и уместно напомнил он ей о всех ее достатках, об овцах и корове и о сыновьях, работающих в Атлантике и прекрасно зарабатывающих, и как очевидно становилось и нам и ей, что живет она хорошо, а сейчас просто поторопилась, пожадничала...» (94–95).

Илл. 15. Е.Ф. Титова

По мнению старожилов Майды, здесь упомянута Агриппина Владимировна Титова (1912–2000-е), мать одиннадцати детей, один из сыновей которой, Георгий, плавал в Атлантике. Напомним, что, по сведениям Казакова, «рыбаки, занятые в Северной Атлантике и Баренцевом море, получают за сезон – с ноября по июль – от 25 до 30 тысяч рублей на СРТ и по 8–9 тысяч – на сейнерах» (74); позднее он вспоминал: «Люди здесь жили крепко. <...> Большинство наших колхозников в 50-х годах получали трудовни. А тут – деньги, и хорошие деньги» (Казаков, 2011, с. 242). Отметим также, что сейнера «Освобождения» начали ловить рыбу в Атлантике только в 1958 году.

Евлампий Александрович Котцов скончался в 1969 или 1970 году – разные люди называли разные даты. И хотя могила его на майденском кладбище сохранилась, но на деревянном кресте нет никаких надписей; более того, сам крест перенесен с другой могилы. Умер же он не от старости: в жаркий день вспотел на рыбалке, а придя домой, выпил холодной воды...

* * *

В предисловии к недавнему переизданию «Северного дневника» литератор и филолог Алексей Варламов писал: «Юрий Казаков начал писать «Северный дневник» полвека назад. Интересно было бы сегодня пройти по местам, им описанным, посмотреть, как живут Койда и Майда, узнать, <...> что случилось с героями его дневника – кто из них жив, кто, когда и как умер и ведают ли их потомки о том, что их отцы, деды, бабушки попали в большую литературу» (Варламов, 2008, с. 7). Надеюсь, настоящие заметки отчасти смогут удовлетворить этот интерес.

Список литературы

Бавильский Д. Юрий Казаков. «Северный дневник» // <http://lj.rossia.org/users/paslen/1446007.html> (7.02.2014; доступ 19.07.2014).

Варламов А.Н. Паломничество в страну Севера // Казаков Ю.П. Северный дневник. М., 2008, с. 7–22.

Галимова Е.Ш. Художественный мир Юрия Казакова. Архангельск, 1992.

Горышин Г. «Сначала было слово»: Воспоминания о Юрии Казакове // Наш современник. 1986, № 12, с. 157–173.

Дранникова Н.В. Локальная идентификация в фольклорно-речевой практике жителей Зимнего берега Белого моря (Мезенский район Архангельской области) // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2011, № 7 (120), с. 31–35.

Жирмунская Т. Мы – счастливые люди // Кольцо А: Литературный журнал. 1995 [на тит. л.: 1996]. Вып. 2, с. 230–258.

Казаков Ю.П. Северный дневник // Знамя. 1961, № 3, с. 126–153; № 4, с. 140–164.

Казаков Ю. Об авторе // Коринец Ю.И. Суббота в понедельник: Стихи и сказки. М., 1966, с. 3–4.

Казаков Ю.П. Осень в дубовых лесах. Алма-Ата, 1969.

Казаков Ю.П. Северный дневник. М., 1973.

Казаков Ю.П. Долгие крики: Северный дневник. М., 1977 (Роман-газета. 1977, № 12 (826)).

«Единственно родное слово»: Беседа с Юрием Казаковым // Литературная газета. 1979. № 47. 21 нояб., с. 6.

Казаков Ю.П. Вечерний звон: Повести, рассказы, путевые, дневниковые, литературные заметки, письма. М., 2011. (Собр. соч. Т. 3).

Конецкий В.В. Ледовые брызги: Из дневников писателя. Л., 1987.

Конецкий В.В. Некоторым образом драма: Непутевые заметки, письма. Л., 1989.

Кузьмичев И.С. Юрий Казаков: набросок портрета. Л., 1986.

Литвинова М. Из «Воспоминаний» // Полдень: Литературный альманах. 2013, Вып. 12 (электронный ресурс <http://polden.ruspole.info/node/4980>; доступ 1808.2014).

Павлов Ю. История мгновений // Наш современник. 2007, № 8, с. 246–255.

Шилова Н.Л. Карельские реалии в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева» // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2014, № 5 (142), с. 82–85.

Шитова В. О вещественном и необходимом: Юрий Казаков. Северный дневник. «Знамя», №№ 3, 4, 1961 // Новый мир. 1961. № 8, с. 258–261.

(Footnotes)

1 Нельзя не пройти мимо того факта, что в следующем, уже не юбилейном для колхоза «Освобождение» году, вылов наваги и семги по какой-то причине резко сократился соответственно до 902 и 293 центнеров.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Соловецкий государственный историко-архитектурный
и природный музей-заповедник»

Соловки
в литературе и фольклоре
(XV–XXI вв.)

Сборник научных статей и докладов
международной научно-практической конференции

Архангельск – Соловки
2015